

Я. Б. ФОН БРЕТЦЕЛЬ О ДОСТОЕВСКОМ

Публикация Н. З. Серебряной

Публикуемые воспоминания Я. Б. фон Бретцеля, домашнего врача Достоевских, сохранились в архиве А. В. Жиркевича. Александр Владимирович Жиркевич (1857—1927), военный юрист, литератор, был знаком со многими писателями, художниками, музыкантами, историками. Долгие годы он собирал материалы, связанные с жизнью и творчеством своих друзей и знакомых: автографы, рисунки, документы, фотографии. В 1926 г. он передал их в Толстовский музей.

Яков Богданович фон Бретцель (1842—1918) окончил Медико-хирургическую академию и много лет работал в Петербурге. Он заведовал тифозным отделением Обуховской больницы, а в 1868 г. был послан в Тверскую губернию на борьбу с тифом, служил сначала участковым врачом, а потом инспектором Врачебно-полицейского комитета. Девять лет Бретцель был ассистентом в детской клинике М. С. Зеленского, одного из крупнейших педиатров того времени, и до конца жизни оставался членом Общества детских врачей. Я. Б. Бретцель был опытным врачом, специалистом по внутренним и инфекционным болезням, много лет он занимался также частной практикой.

Бретцель знал Жиркевича с детства; снова встретились они в Военно-юридической академии, где Бретцель был врачом. Об их близком знакомстве свидетельствует приглашение на семейный вечер к Бретцелям («в тесном кругу моих друзей, родных и знакомых, конечно, без мундира и эполет» — открытка 7 октября 1888 г., полученная Жиркевичем перед выпускными экзаменами). С отъездом Жиркевича на службу в Вильну их дружеские отношения сохранились — они переписывались, сообщая друг другу о своих делах и планах. В 1888 г. Жиркевич послал Бретцелю извещение о своей свадьбе, в 1894 г. писал ему о своих литературных занятиях. Бретцель заинтересовался его сочинениями: «Очень вам благодарен за ваше желание познакомить меня с вашими поэтическими произведениями, после того тяжелого реального труда, который ежедневно выпадает на мою долю, я с удовольствием иногда отдыхаю за чтением беллетристических статей» (письмо 28 марта 1894 г.). Возможно, переписка продолжалась и после 1894 г., но письма не сохранились, во время первой мировой войны переписка, по-видимому, прервалась. В 1915 г., перед самым вступлением немецких войск в Польшу, Жиркевич уехал из Вильны в Симбирск. Вскоре он узнал о постигшем Бретцеля горе — о гибели на фронте его сына. Жиркевич тут же написал Бретцелю искреннее сочувственное письмо. В ноябре 1916 г. Бретцели жили в своем имении Шастово Новгородской губернии. Впервые старый врач проводил зиму не в Петербурге, но и в деревне он не бросил своего любимого дела: «Мне уже 74 года, которые дают себя чувствовать разными недугами, но в общем я еще настолько бодр, что не отказываюсь от деревенской практики, в которой крестьяне так нуждаются, и счастлив, что еще могу быть полезен ближнему», — писал Бретцель Жиркевичу 10 ноября 1916 г. И в старости он сохранил ясность духа, любовь к людям и сознание честно прожитых лет: «Мысленно пробегая всю мою прошлую трудовую жизнь, могу чистосердечно сказать, что с пролетариата никогда ничего не брал за свой труд и работал не за страх, а за совесть...» (письмо 16 декабря 1917 г.).

Все чаще Бретцель обращался к прошлому — «ведь в старости воспоминания особенно дороги...» (письмо 22 января 1918 г.). Желание Жиркевича запечатлеть давние встречи и интересные события было ему понятно и дорого. «Жена моя находит вашу

идею — «стариковский альбом», как вы его называете, блестящей», — сообщал Бретцель в этом же письме. Он с удовольствием исполнил просьбу Жиркевича и написал для его альбома свои воспоминания о Достоевском, которые отправил в Симбирск в том же письме 22 января 1918 г. «Исполняя вашу просьбу относительно воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском, я заранее извиняюсь за литературные недостатки моего автографа, так как никогда не упражнялся в этой области», — писал он Жиркевичу. Вскоре пришло ответное письмо, где было еще несколько вопросов о Достоевском, о его болезни и смерти. Бретцель дополнил свои воспоминания в письме 3 марта 1918 г.

Благодаря любознательности и энергии Жиркевича дошли до нас эти интересные воспоминания о Достоевском, написанные старым петербургским врачом буквально в последние его дни. Бретцель скончался 4 апреля 1918 г. О его смерти Жиркевичу сообщила жена Бретцеля Анна Алексеевна; она писала: «Позвольте поблагодарить вас за ту радость, которую вы доставили Якову Богдановичу вашими письмами и приветом, ласкою, а дорогими воспоминаниями невозвратных прошлых дней доставили ему много хороших минут».

22. I. 1918

Мое знакомство с Федором Михайловичем Достоевским произошло по поводу заболевания его детей, когда я был приглашен в качестве врача¹. Вероятно, я произвел благоприятное впечатление, так как с этих пор я сделался домашним врачом в семье Федора Михайловича.

Здоровье Федора Михайловича было сильно расстроено тяжелыми годами, проведенными на каторге, да и от природы он был слабого телосложения, и ему часто приходилось прибегать к медицинской помощи.

Болезнь и тяжелые жизненные испытания развили у Федора Михайловича раздражительность; мне нередко приходилось быть свидетелем этой раздражительности, а иногда и объектом ее. Я всегда невозмутимо выслушивал его, не возражая ему... Гнев скоро проходил, и он делался особенно ласков, вероятно, желая загладить свою несправедливую вспышку. Помню, как однажды я ему посоветовал есть побольше мяса; он вдруг разгорячился и повышенным голосом стал говорить: «Вы советуете мясо... Телятина — мясо, свинина — мясо, баранина — мясо, дичь — тоже мясо. Если вы говорите о бычьем мясе, то скажите: побольше говядины!»

Федор Михайлович в то время жил на Серпуховской улице, в более чем скромной квартирной обстановке, окруженный пощением его любящей и энергичной жены — Анны Григорьевны, которая была и его секретарем и вела его дела по отношению изданий его произведений. Благодаря ее неунынным трудам и практическому, деловому характеру она привела в порядок финансовые дела Федора Михайловича, и к концу его жизни их материальное благосостояние значительно улучшилось. Семья Достоевских с Серпуховской улицы переехала в более комфортабельную квартиру на Кузнечный переулок, угол Ямской, где он и скончался в 1881 году на моих руках.

Посещая Федора Михайловича, я часто встречал у него известного писателя Ореста Миллера и Николая Николаевича Страхова, который был моим преподавателем во Второй гимназии и о котором я сохранил самые лучшие воспоминания как о выдающемся педагоге и человеке.

Федор Михайлович был в это время занят своим «Дневником писателя», который брал у него немало времени и труда и, конечно, вызывал утомление его надломленного организма.

Федор Михайлович очень любил детей, и его отношения к ним всегда отличались особенною нежностью.

Прежде чем описывать последние минуты жизни Федора Михайловича, мне хочется упомянуть о той встрече с ним в зале Благородного собрания весною 1880 года, когда он согласился читать свое произведение на бла-

— Убийцы! проговорил онъ вдругъ тихимъ,
но яснымъ и отчетливымъ голосомъ.

*Помещенный вами эскиз
весьма недурен.*

Федор Достоевский

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Рисунок В. И. Порфирьева

Внизу на листе факсимильное воспроизведение отзыва Достоевского: «Помещенный вами эскиз весьма недурен. Федор Достоевский». — «Осколки», 1881, № 2

готворительном вечере, который устраивали слушательницы Педагогических курсов; на этом же вечере читал и И. С. Тургенев², и тут, в комнате артистов произошла их встреча после долгой и тяжелой размолвки³. Моя жена, которая была одной из устроительниц этого вечера, рассказывает, что когда Тургенев вошел и на минуту остановился в дверях и окинул взглядом комнату, Федор Михайлович углубился в просмотр своего «Подростка», который был выбран им для чтения публике. Тургенев быстро и решительными шагами подошел к Федору Михайловичу и протянул первый ему руку. Федор Михайлович нерешительно приподнялся со стула, исподлобья взглянул на Тургенева и быстро подал руку. Ни слова не было сказано, и они расстались. Когда Достоевский вышел читать, Иван Сергеевич тоже пошел в залу и по окончании чтения громко аплодировал. Прием публики, конечно, был восторженный, учащаяся молодежь бурно выражала свой восторг, и Федор Михайлович выходил к публике и удалялся с просветленным лицом, какое мне редко приходилось у него видеть.

Я попросил провести меня в комнату для артистов, чтобы выразить Федору Михайловичу лично мое удовольствие по поводу его выступления, а также узнать и о его самочувствии после утомительного чтения. Он сиял, когда я вошел, особенно приветливо со мной поздоровался и тотчас спросил, достаточно ли громко он читал⁴. Я, в свою очередь, спросил, как он себя чувствует, не утрудил ли он себя продолжительным чтением, а он с добродушной улыбкой вытащил из кармана коробочку моих таблеток с порошками и сказал: «Принял перед чтением и сейчас опять приму». Он был особенно в духе, и, я думаю, что внимание, оказанное ему Тургеневым, было также одною из причин, содействовавших его счастливому настроению.

Не прошло года с этого памятного для меня вечера, как однажды, приехав поздно с практики и едва успев сесть за обед, мне принесли записку Анны Григорьевны: «У мужа хлынула горлом кровь, приезжайте, ради бога!»⁵ Конечно, я немедленно поспешил к больному. Увы, я уже застал Федора Михайловича в безнадежном состоянии; обильная потеря крови ослабила его настолько, что можно было принять только паллиативные меры. Следом за мною прибыли врачи Н. П. Черепнин⁶ и профессор Кошляков⁷, и устроенная консультация подтвердила только мое печальное заключение о невозможности спасти больного. Федор Михайлович был в полном сознании, попросил привести детей, благословил их, потом стал что-то говорить слабым голосом жене, а потом просил читать Евангелие⁸. Мало-помалу сознание стало покидать его, и к утру он тихо скончался⁹.

Всем известно, сколько любви и уважения к памяти Федора Михайловича было выражено со всех концов России и какие грандиозные похороны были устроены великому писателю.

Когда я приехал на одну из панихид, Анна Григорьевна жаловалась: «У меня отняли моего мужа, я не имею возможности ни на минуту остаться с ним одна, он теперь принадлежит всем, кроме меня».

3/III 1918

Теперь перехожу к ответам на интересующие вас вопросы относительно Федора Михайловича. Вы спрашиваете, чем он был болен. В то время еще микроб чахотки не был найден, поэтому строгого определения быть не могло, тем более что болезнь протекала хронически; объективное же исследование не оставляло сомнения, что это был туберкулезный процесс. В обоих легких были значительные разрушения (каверны), и разрыв легочной артерии в одну из каверн дал столь сильное кровотечение, остановить которое было не в наших силах, и вызвало смертельный исход. У меня в записной книжке сохранился рецепт кровоостанавливающей микстуры, прописанный профессором Кошляковым, но книжка эта в Петрограде.

ГАЗЕТА

А. ГАТЦУКА

Т. VII. ГОДЪ 7-й. № 7

СОДЕРЖАНИЕ: ... 14 ФЕВРАЛЯ 1881

Полная цена: ...
 Цена в год: ...
 Цена в квартал: ...
 Цена в месяц: ...
 Цена в день: ...

Ф. М. Достоевский

ДОСТОЕВСКИЙ
 Гравюра Д. Рыжова, 1881, по фотографии К. Шапиро
 Петербург, 1879
 «Газета А. Гатцука», 1881, № 7, 14 февраля

Евангелие читала жена Федору Михайловичу, а что он ей говорил, я не мог слышать, так как он шептал ей на ухо, да и считал невежливым прислушиваться к интимному разговору.

Похороны я видел в одной из улиц; это была необычайно грандиозная процессия, так как хоронил, можно сказать, весь Петербург, и бесчисленные депутации несли венки на высоких штангах. Было огромное количество духовенства, потому что церковь считала Федора Михайловича ревнителем православия. Я не мог принять непосредственного участия в похоронах, так как меня ждали другие страждущие... Это был период самой напряженной врачебной деятельности, и я часто поступался своими личными желаниями ради исполнения долга. Помню, что особенный почет был оказан Федору Михайловичу судебным ведомством.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я. Б. Бретцеля, по-видимому, рекомендовали Достоевским в самом начале 70-х годов как опытного детского врача, ассистента детской поликлиники доктора М. С. Зеленского. В 1873 г. Бретцель уже был домашним врачом Достоевских — он лечил и Федора Михайловича и Анну Григорьевну. Достоевский писал жене 26 июля 1873 г.: «А я серьезно было расхворался и даже немного лежал... Подожду немного и позову Бретцеля, если в Петербурге» («Письма», III, стр. 68). 22 мая 1874 г. Бретцель выслал для Достоевского в Старую Руссу рецепт травы от кашля (Л. П. Гроссмана. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского, стр. 226). 6 июня 1874 г. Достоевский писал Анне Григорьевне: «Бретцель расспрашивал о твоём здоровье и настоятельно сказал мне, что в Старой Руссе тебе бы надо было пить железную воду Швальбах Вейтбрун... Я просил его немедленно написать тебе с медицинским расписанием правил, как пить...» («Письма», III, стр. 99).

² Литературно-музыкальный вечер в пользу слушательниц Педагогических курсов состоялся 21 марта 1880 г. в зале Благородного собрания. Ни в книге М. К. Клемана «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева» (М. — Л., «Academia», 1934), ни в работе Л. П. Гроссмана «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского», ни в «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской нет упоминания о том, что на этом вечере читал Тургенев. Однако это был не первый вечер, на котором Достоевский выступал вместе с Тургеневым (см. настоящ. том, стр. 316—321). Воспоминания Бретцеля дополняют эти сведения.

³ Имеется в виду разговор Достоевского и Тургенева в Баден-Бадене в 1867 г., кончившийся полным разрывом (см. письмо Достоевского к А. Н. Майкову 16 августа 1867 г. — «Письма», III, стр. 30—32).

⁴ Об этом пишет и А. Г. Достоевская: «Пред чтением Федор Михайлович всегда боялся, что его слабый голос будет слышен лишь в передних рядах, и эта мысль его огорчала. Но нервное возбуждение Федора Михайловича в этих случаях было таково, что обычно слабый голос его звучал необыкновенно ясно, и каждое слово было слышно во всех уголках большой залы» (А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 352—353).

⁵ Жена Я. Б. Бретцеля Анна Алексеевна писала А. В. Жиркевичу об этой записке: «...Где-то, может быть, найду письмо его жены с приглашением Якову Богдановичу приехать как раз накануне его смерти» (письмо 20 мая 1918 г.).

⁶ Николай Петрович Черепнин (1841—1906) — петербургский врач.

⁷ Дмитрий Иванович Кошляков (1835—1891) — профессор Медико-хирургической академии, к которому Достоевский иногда обращался за советом.

Бретцель не упоминает доктора А. А. Пфейфера, за которым, по словам А. Г. Достоевской, сам просил послать 26 октября 1881 г.

⁸ Это Евангелие было подарено Достоевскому по дороге на каторгу, в Тобольском остроге женами декабристов. «Федор Михайлович не расставался с этою святою книгою во все четыре года пребывания в каторжных работах» (А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 375).

⁹ Бретцель ошибается. Достоевский скончался в 8 часов 38 минут вечера 28 января 1881 г.

А. Г. Достоевская писала, что все врачи, лечившие Достоевского, надеялись на выздоровление. Из воспоминаний Бретцеля видно, что врачи считали положение Достоевского безнадежным.